

УДК 81`23

Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т.*Московский государственный областной университет***«ИСТОРИЗМ» И «ФОРМАЛИЗМ» В РУССКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ НАЧАЛА XX ВЕКА: НАУКА И ШКОЛА**

Аннотация. В статье рассматривается соотношение, сложившееся к началу XX в. между научным языкознанием и школьной грамматикой. Отмечается ярко проявившееся в этот период стремление устранить существовавший между ними разрыв, усилившийся в связи с тезисом, согласно которому научное изучение языка непременно должно носить исторический характер. Большинство отечественных лингвистов, не отказываясь от данного положения, считали более перспективным формализацию курса грамматики, чему способствовала популярность учения о форме слова, разработанного Ф.Ф. Fortunatovым и его последователями.

Ключевые слова: историзм, формальный, грамматика, классификация, научный, школьный.

I. Valuytseva, G. Khukhuni*Moscow State Regional University***“HISTORICISM” AND “FORMALISM” IN RUSSIAN GRAMMAR SCHOOL
IN THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: SCIENCE AND SCHOOL**

Abstract. The present paper analyzes the relation between scientific study of language and the so-called ‘school grammar’ in the beginning of the 20th century. It is noted, that there was a gap between them because of the dominating view, according to which the linguistic science had to be necessarily historical. Most of the Russian linguists desired to overcome this gap. They didn’t wholly deny the principle of historicism, but considered the formalization of the grammar course, based on the popular theory about the word-form, developed by F. Fortunatov and his pupils, more perspective.

Key words: historicism, formal, grammar, classification, scientific, school.

При характеристике языкознания XIX в., прежде всего в его наиболее влиятельной на рубеже веков младограмматической традиции со времён «Курса общей лингвистики», стало общепринятым подчёркивание того обстоятельства, что, «уйдя с головой в диакронию», оно не только пренебрегало изучением языкового состояния, но и вообще не считало последнее научным.

© Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т., 2015.

В.М.Алпатов в своем учебнике по истории лингвистических учений, излагая в этой связи взгляды Г. Пауля, резюмировал их следующим образом: «Г. Пауль признаёт, что историку языка, ‘конечно, не миновать описания состояний’, но для него это лишь ‘прочная основа для исторических изысканий’. Какой-либо собственной ценности описательная грамматика не имеет, сам термин показывает, что она лишь ‘регистра-

рует то, что имеется в языке, ничего не объясняя. И неудивительно, что при таком подходе языковеды обычно уступали описания современных языков непрофессионалам» [1, с. 99].

Тем не менее, лингвистов – независимо от их отношения к подобной позиции – волновал вопрос о том, как обстоит дело с изучением и преподаванием родного языка в школе, которое в той или иной степени как раз и основывается на описании его современного состояния. Разрыв между ним и научным языкознанием, с которым студентов знакомили в стенах высших учебных заведений, к началу XX в. вызывал серьёзную обеспокоенность у представителей университетской и академической науки. Один из крупнейших лингвистов рассматриваемой эпохи – академик Ф.Ф. Фортунатов писал, что «в настоящее время требуется коренная переделка того учения, какое излагается в школьных учебниках грамматики; это касается учебников не только по русской грамматике, но, в большей или меньшей степени, также и по грамматике других языков, и притом не только у нас, но и в других странах» [9]. Схожие суждения высказывали и другие ученые.

Важными вехами в борьбе за «онаучивание» школьной грамматики стали два педагогических съезда: Первый съезд преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях (декабрь 1903 г.) и Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы (декабрь 1916 – январь 1917 г.). Следует подчеркнуть, что значение названных форумов не ограничивалось узко-учебными рамками, о чём свидетельствует участие в них и ведущих отечественных учёных.

Негативное отношение участников к существующей грамматической системе было почти единодушным. На съезде 1903 г. оно нашло чёткое выражение в словах Л.В. Щербы: «... Существующие грамматики русского языка совершенно никуда не годятся, так как они не основаны на изучении этого языка. Мало того, никто в мире не в состоянии даже решить, какой язык исследуют их авторы: в них царствует полный хаос и смешение понятий, так как сообщаемые в них сведения основаны не на наблюдаемых фактах, а придуманы составителями из головы и зачастую не имеют никакого реального значения» [11].

Многочисленные претензии по адресу школьной грамматики сводились к двум основным положениям. Во-первых – в полном соответствии с тезисом о непрерывной «историчности» научного подхода к языку – её упрекали в отсутствии таковой. Во-вторых, использовавшуюся в ней систему понятий – прежде всего, классификацию частей речи – уличали в «нелингвистичности» и непоследовательности, поскольку в основу деления были положены разные признаки (логические, морфологические, синтаксические). А это, по замечанию одного из авторов, напоминает деление людей на умных, глупых и блондинов.

Справедливости ради необходимо признать, что подобное обличение к началу прошлого века не было новым. Г. Пауль писал об этом в «Принципах истории языка»: «Принятая в индоевропейских языках система частей речи, идущая в главных чертах ещё от античных грамматиков, не имеет в своей основе последовательно выдержанных логических принципов, она сложилась

лась в результате попыток учесть самые разные стороны проблемы <...> Нетрудно доказать, что она обладает рядом недостатков. Но коль скоро мы стремимся к тому, чтобы отнести каждое слово к определённому классу, нам вряд ли удастся заменить эту классификацию более удачной. Попытки установить строго логическую систему разграничений вообще несостоятельны» [4, с. 415].

Однако, поставив перед собой цель «сблизить школу с наукой», отечественные лингвисты (включая учёных, близких к младограмматической школе) не могли полностью согласиться со скептическим конечным постулатом Г. Пауля: «Если принять во внимание, что при обычном разграничении частей речи приходится учитывать весьма разнородные моменты, которые к тому же могут прийти в столкновение друг с другом, то отсюда следует вполне естественный вывод, что на деле эти разграничения вообще неосуществимы» [4, с. 418].

Отечественные учёные мыслили сближение школьной и научной грамматики в двух направлениях, не параллельных по отношению друг к другу, которые условно можно назвать «историческим» и «синхроническим» (хотя сам последний термин в те годы не употреблялся).

Первый путь на съезде 1903 г. был озвучен А.А. Шахматовым – крупнейшим историком русского языка, бывшим в те годы наиболее верным и любимым учеником Ф.Ф. Фортунатова. Такой подход восходил еще к Ф.И. Буслаеву и вполне соответствовал методологическим установкам Ф.Ф. Фортунатова, для которого тезис об историческом характере языкозна-

ния был аксиомой: «Ставя требование, чтобы в школе русский язык изучался во всём объёме этого понятия, мы выражаем желание, чтобы в наши среднеучебные заведения было введено преподавание истории отечественного языка. В них нашли себе место история русского народа, история русской литературы; пусть к этим предметам на равных с ними правах и в равных с ними объёмах присоединится история русского языка» [8, с. 408–409].

Выдвинутый А.А. Шахматовым тезис получил в предреволюционные годы определённое продолжение. На съезде 1916–1917 г. об этом говорил его коллега по Московской лингвистической школе Д.Н. Ушаков: «Старший курс русского языка необходим в средней школе <...> Главнейшая, но не единственная его часть – историческое изучение русского языка. Цель его – понимание и знание современного русского языка» (цит. по: [10, с. 75]). А ставший впоследствии известным филологом-славистом Н.С. Державин в те же годы писал: «Мысль Ф.И. Буслаева о необходимости введения в курс средней школы истории русского языка в настоящее время сделалась всеобщим убеждением и, по-видимому, мы стоим сейчас накануне её практического осуществления <...> в новых программах по русскому языку, намеченных специальной комиссией по реформе средней школы <...> истории родного языка отводится совершенно определённое место. Что мысль о необходимости и своевременности введения в курс общеобразовательной школы истории русского языка представляется сейчас общепризнанной истиной, можно судить, например, по тому, как единодушно этот вопрос, и притом в утвер-

дительном смысле, в последнее время дебатировался на разных педагогических съездах и собраниях» [3, с. 325].

Однако сколь ни привлекательной в глазах приверженцев «подлинно научного языкознания» в его тогдашнем понимании выглядела подобная программа, очевидным было понимание того, что одной историзацией основную задачу – выработку отвечающей научным требованиям системы описания грамматики *современного* языка – решить невозможно. Об этом напоминала и педагогическая общественность, на плечи которой и должна была лечь предполагаемая реформа. «Дайте нам, – призывал своих коллег-лингвистов П.О. Потапов (в советские годы – профессор Одесского государственного университета, занимавший должности декана факультета языка и литературы ОГУ и заведующего кафедрой русского языка), – пока грамматику русского литературного языка, о которой мы ещё пока ничего не знаем <...> а тогда, быть может, мы справимся и с настоящей историей русского языка <...> Сюда и только сюда должны быть направлены усилия и педагогов, и учёных-специалистов» [7, с. 26]. Чрезмерное увлечение историзмом может, по мысли автора, помешать процессу создания научной описательной грамматики, поскольку оно будет носить явно бессистемный характер: «Вся история сведётся к перечню отдельных фактов, лишённых какого-то бы ни было освещения, какой бы то ни было связи <...> Если же всё дело сведётся к зазубриванию неосмысленных фактов, к тому же не подлежащих проверке учащихся, то какой же смысл, какое значение может иметь такая ‘история’?» [7, с. 4].

Отметим, что «исторический скептицизм» отечественных педагогов мог опираться и на опыт зарубежных, в частности, немецких коллег. Несколько десятилетий спустя швейцарский языковед Г. Глинц отмечал, что учителя немецкого языка, не отрицая пользы внесения элементов историзма при преподавании языка в старших классах, подчёркивали, что удовлетвориться чистой «историзацией» школа не может, поскольку её задача, в первую очередь, заключается в установлении системы современного языкового употребления: «Die Schule kann sich <...> nicht mit der Kenntnis historischer Entwicklung begnügen. Auf höherer Stufe kann sie diese freilich mit Nutzen einbeziehen, aber zuerst hat sie etwas anderes nötig, nämlich die Gesetze des gegenwärtigen Gebrauchs, zusammengefaßt in einem lehr- und lernbaren System» [12, S. 67].

Более перспективным поэтому представлялся другой путь «онаучивания» преподавания языка, заключавшийся в переходе от логико-грамматической системы, восходящей к античности, к формально-грамматической. Фундаментом для её построения считались труды А.А. Потебни и Ф.Ф. Фортунатова. Антилогизм (т. е. отрицание прямого выведения грамматических категорий из логических) был действительно присущ обоим указанным течениям, поэтому мысль о возможности синтезировать обе традиции для создания единой грамматической концепции могла представляться в тот период вполне правомерной. Более того, как уже в 30-е годы заметил С.И. Бернштейн, «скудные сходства между ними были в то время заметнее, чем разделяющая их пропасть»

[2, с. 13–14]. Наиболее известным в этом отношении является первое издание книги А.М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении», в которой автор ставил своей задачей «приспособить систему Потебни <...> в таком направлении, чтобы она <...> не стояла в противоречии с усвоенными <...> на университетской скамье основными положениями Фортунатовской школы...» [6, с. 78].

Однако становление формально-грамматического направления в качестве ведущего течения отечественной науки сталкивалось и с рядом серьёзных препятствий.

Сторонники логико-грамматического подхода, полемизируя со своими оппонентами, подчёркивали, что их претензии на научность несостоятельны, так как на основе только формальных моментов невозможно выявить присущие языку внутренние законы, опирающиеся на законы мышления. Указанную позицию последовательно отстаивал известный в те годы филолог-классик П.Д. Первов, отмечавший: «Что между словами есть 'отношения' и есть 'связь' – это каждый замечает с первого разу и без всякой научной грамматики. Всё дело в том, каковы эти отношения и в чём эта связь. Если бы грамматика ответила на эти вопросы, она, может быть, и стала бы настоящей наукой, а ответить на них она может лишь опираясь на другую науку, совершенно точную – на логику» [5, с. 20].

Сложно говорить и о единстве среди представителей научной грамматики, даже причислявших себя к одной научной школе. Например, «Синтаксис русского языка» Д.Н. Овсяннико-Куликовского, написанный, как считал сам автор, с потебнианских позиций

вызвал резкую критику со стороны другого потебнианца – Д.Н. Кудрявского, а упомянутый выше «Русский синтаксис в научном освещении» А.М. Пешковского был отвергнут призывавшим к фортуноватовской школе Е.Ф. Будде (подробнее см. [10]).

Тем не менее, несмотря на указанные сложности, можно констатировать, что в начале XX в. влияние формальной грамматики неуклонно усиливалось. Закономерным итогом стал Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка 1916–1917 гг. Отметим, что наряду с такими лингвистами, как Л.В. Щерба, Д.Н. Ушаков, А.М. Пешковский, в его работе принимал участие и П.Д. Первов. В принятой ими резолюции подчёркивалось: «Не следует препятствовать осуществлению в средней школе курса грамматики, построенного на основе формально-грамматической точки зрения, как наиболее отвечающей современному состоянию науки о языке» (цит. по: [10, с. 112]).

Таким образом, казалось, что под спором между логико-грамматическим и формально-грамматическим подходами была окончательно подведена черта. Но, как показали последующие события, торжество грамматического формализма несло в себе зародыш кризиса, десятилетие с лишним спустя фактически приведшего к его ликвидации. Причём этот процесс был тесно связан с именем Л.В. Щербы, выступление которого на съезде 1903 г. стало своеобразной точкой отсчёта начала борьбы за научную грамматику.

Помимо собственно историко-лингвистического аспекта, изучение дискуссии о принципах построения

научной грамматики и её прикладного аспекта – внедрения соответствующего курса в практику средней и высшей школы – имеет и значительный актуальный интерес, поскольку исследование данного вопроса может быть полезным при рассмотрении возможных путей реформирования преподавания языковых дисциплин, обсуждаемых в наши дни научной и педагогической общественностью.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2001. 368 с.
2. Бернштейн С.И. Основные понятия грамматики в освещении А.М. Пешковского // Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1938. С. 7–42.
3. Державин Н.С. Основы методики преподавания русского языка и литературы в средней школе. Пг.: Тип. “Науч. дело”, 1917. 510 с.
4. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 500 с.
5. Первов П. Грамматика и логика // Педагогический вестник Московского учебного округа. Средняя и низшая школа. 1915. № 5–6. С. 3–20.
6. Пешковский А.М. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Л.: Госиздат, 1925. 190 с.
7. Потапов П.О. К вопросу о введении в курс средней школы истории русского языка (по поводу Руководства по истории русского языка, Е.С. Истриной). Одесса: Типография Техник, 1916. 26 с.
8. Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях (22-31 декабря 1903 г.) / Под редакцией секретаря съезда П.В. Петрова. СПб.: Типография П.В. Петрова, 1904. 434 с.
9. Фортунатов Ф.Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе. [Электронный ресурс]. URL: <http://sci-book.com/russkiy-yazyik/prepodavanii-grammatiki-russkogo-yazyika-59333.html> (дата обращения: 03.10.2014).
10. Хухуни Г.Т. Основные тенденции развития русской лингвистической мысли конца XIX – первой трети XX века (описательная грамматика и история языка): дис. ... докт. филол. наук. Тбилиси, 1984. 342 с.
11. Щерба Л.В. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba15.htm> (дата обращения: 03.10.2014).
12. Glinz H. Geschichte und Kritik der Lehre von den Satzgliedern in der deutschen Grammatik. Bern: Francke AG, 1947. 83 S.